

47

Довѣрительно.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

1030
25

1220012

ЗАМѢЧАНІЯ

×

на проектъ правилъ о порядкѣ изданія касающихся
Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія.

1) Текстъ ст. 1 проекта не даетъ повода къ возраженіямъ.
Что же касается объясненій, то я позволяю себѣ замѣтить слѣ-
дующее:

Въ объясненіи сказано по поводу судьбы акта 3 Февраля
1899 г., что «онъ состоялъ изъ двухъ частей: манифеста и основ-
ныхъ положеній» и что: «Изъ числа этихъ частей манифестъ
сохраняетъ до сихъ поръ обязательную силу въ качествѣ дѣй-
ствующаго закона». Съ этимъ положеніемъ едва ли можно со-
гласиться. Манифестъ безъ основныхъ положеній не можетъ
имѣть значенія закона, ибо въ немъ нѣтъ юридическихъ нормъ,
а излагаются мотивы, побудившіе Верховную Власть присту-
пить къ изданію основныхъ положеній. Манифестъ 3 Февраля
1899 г. имѣетъ весьма важное историческое значеніе, но самъ
по себѣ, оторванный отъ сопровождавшихъ его и имъ мотиви-
рованныхъ основныхъ положеній,—онъ является только выра-
женіемъ политическихъ взглядовъ и политическаго принципа,
установленныхъ Верховною Властью.

Въ объясненіяхъ указывается на то, что уже манифестъ
6 Августа 1905 г. объявилъ волю Высочайшей Власти о пере-
смотрѣ помянутыхъ основныхъ положеній въ виду измѣненій,
внесенныхъ въ законодательный порядокъ Имперіи. Тѣмъ са-
мымъ можно, казалось бы, признать, что манифестъ 6 Августа
1905 г. включалъ въ себѣ волепроявленіе Верховной Власти на-
счетъ пріостановки акта 3 Февраля 1899 г. впредь до того
момента, когда Государю Императору угодно будетъ устано-
вить новый порядокъ участія финляндскихъ властей въ рѣше-
ніи законодательныхъ вопросовъ, общихъ для Имперіи и Вели-
каго Княжества.

Въ виду этого значенія манифеста 6 Августа 1905 г.
изданіе манифеста 22 Октября 1905 г. имѣло значеніе мѣры,
предназначенной только для Великаго Княжества Финляндскаго,
и несообщеніе его Правительствующему Сенату и неапеча-
та-

ніе его въ собраніи узаконеній и распоряженій Правительства не можетъ парализовать или ослабить силу Высочайшаго волепроявленія, состоявшагося за два мѣсяца впередъ.

Нельзя также согласиться со словами: «Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что пріостановка дѣйствія основныхъ положеній 3 Февраля 1899 г. вовсе не обусловливаетъ собою невозможности изданія означенныхъ (т. е. общегосударственныхъ) узаконеній, такъ какъ согласно основнымъ законамъ государственнымъ (ст. 2) Великое Княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть государства Россійскаго, управляется на основаніи особаго законодательства только во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Отсюда слѣдуетъ, что тѣ касающіеся Финляндіи законы, которые выходятъ по своему содержанію изъ круга исключительно мѣстныхъ финляндскихъ дѣлъ, должны быть издаваемы впредь до пересмотра помянутыхъ основныхъ положеній въ общеперскомъ законодательномъ порядкѣ, опредѣленномъ въ ст. 7, 8 и 86 основныхъ государственныхъ законовъ (изд. 1906 г.), а также въ учрежденіяхъ Государственной Думы и Государственного Совѣта». Нельзя не обратить вниманія на то, что понятіе «внутреннія дѣла Финляндіи» понятіе весьма неопредѣленное. Оно можетъ быть толкуемо столь широко, что подъ него можно подвести дѣла, затрагивающія общегосударственные интересы, въ виду близкой связи, главнымъ образомъ, хозяйственной жизни Имперіи и ея окраины, и, съ другой стороны, столь узко, что отъ внутренней автономіи Финляндіи, ничего, кромѣ пустого звука, не останется. Если бы общегосударственные законодательные вопросы, касающіеся Финляндіи, могли рѣшаться въ порядкѣ общеперскаго законодательства послѣ изданія основныхъ государственныхъ законовъ въ новой редакціи, то они могли бы рѣшаться въ этомъ порядкѣ и до изданія акта 3 Февраля 1899 г., ибо измѣненіе порядка изданія законовъ не измѣнило ни въ чемъ взаимоотношеній государства къ его финляндской окраинѣ.

Затѣмъ едва ли правильна ссылка на ст. 81 основныхъ государственныхъ законовъ, въ которой сказано: «что сила законовъ равно обязательна не только для всѣхъ безъ изъятія русскихъ подданныхъ, но и для иностранцевъ, въ Россійскомъ государствѣ пребывающихъ». Финляндцы не иностранцы, но и не русскіе подданные, поставленные въ одинаковыя правовыя условія съ остальными русскими подданными въ коренной Россіи или въ другихъ окраинахъ. Верховная Власть даровала имъ особыя и при томъ весьма широкія привилегіи и донынѣ они этихъ привилегій не лишены. Признать, что изданіе узаконеній, касающихся Финляндіи и донынѣ издававшихся при участіи финляндскихъ властей и учрежденій, возможно безъ всякаго такого ихъ участія, значило бы вступить въ явное

противорѣчіе съ основными началами государственнаго законодательнаго строя, при которомъ Монархъ законодательствуетъ при участіи народнаго представительства, и значило бы поставить Финляндію и ея гражданъ, которые признаны Главой правительства высококультурными, на одинъ уровень съ дикими или полудикими народами, лишенными права участія въ избраніи народныхъ представителей закономъ 3 Іюня 1907 г. Едва ли возможно оправдывать такое исключеніе финляндцевъ отъ права косвеннымъ или непосредственнымъ способомъ участвовать въ выработкѣ законовъ, касающихся ихъ родины, ссылкою на то, что Финляндія покорена русскимъ оружіемъ, ибо и Польша, и Лигва, и Балтійскія губерніи, и почти вся Новороссія и Кавказъ—покорены русскимъ оружіемъ. Столь же мало можно бы оправдать такое исключеніе ссылкою на революціонныя движенія въ Финляндіи, ибо, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, вся Россія была вовлечена въ революціонное движеніе и именно наши окраины наиболѣе усердно участвовали въ революціонныхъ порывахъ. И тѣмъ не менѣе Верховная Власть даровала окраинамъ право чрезъ своихъ представителей участвовать въ законодательныхъ трудахъ и Думы и Совѣта, и не только по вопросамъ, касающимся ихъ родины, но и по вопросамъ общегосударственнымъ.

Сама Верховная Власть признала, что для рѣшенія законодательныхъ вопросовъ по Финляндіи, кои по тѣсной связи ихъ съ общегосударственными потребностями не могутъ подлежать исключительному дѣйствію учреждений Великаго Княжества, порядка не было установлено. Въ манифестѣ 3 Февраля 1899 г. сказано: «Порядокъ разрѣшенія сего рода вопросовъ не опредѣляется въ дѣйствующемъ законодательствѣ точными правилами и недостатокъ оныхъ подавалъ поводы къ важнымъ неудобствамъ.

Въ устраненіе сихъ неудобствъ, Мы, въ непрестанной заботѣ о благѣ всѣхъ безъ различія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, признали полезнымъ, въ дополненіе дѣйствующихъ постановленій и въ руководство подлежащимъ учреждениямъ Имперіи и Великаго Княжества, установить твердый и неизбѣмый порядокъ ихъ дѣятельности по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ». Наконецъ, въ заключеніи манифеста сказано: «Мы уповаемъ, что основанная на твердыхъ указаніяхъ положительнаго закона совмѣстная дѣятельность учреждений Имперіи и Великаго Княжества по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ ихъ интересовъ, послужитъ къ вѣщему обезпеченію дѣйствительныхъ пользъ и выгодъ Россійскаго государства».

Принимая во вниманіе установленныя въ этихъ словахъ политическія начала, нельзя, казалось бы, не признать, что

рѣшеніе касающихся Финляндіи общегосударственныхъ вопросовъ, безъ всякаго участія финляндскихъ учреждений, было бы явнымъ отступленіемъ отъ указаній Верховной Власти. Если встать на точку зрѣнія составителя проекта, что манифестъ 3 Февраля есть понынѣ дѣйствующій законъ, то нельзя не придти къ выводу, что этотъ законъ требуетъ *совмѣстной дѣятельности* законодательныхъ учреждений Имперіи и Великаго Княжества для рѣшенія общегосударственныхъ вопросовъ, и если порядокъ этой совмѣстной дѣятельности не установленъ, то всякое рѣшеніе означенныхъ вопросовъ должно быть отложено впредь до опредѣленія такого порядка законодательнымъ путемъ.

Недостаточно обосновано также, по моему мнѣнію, высказанное въ объясненіяхъ мнѣніе, что возстановленіе акта 3 Февраля 1899 г. является «желательнымъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія финляндскихъ интересовъ», что онъ проникнутъ «особыми заботами о финляндскихъ интересахъ, нуженъ скорѣе ради блага Финляндіи, чѣмъ ради блага Имперіи». Это мнѣніе противорѣчитъ тому, что сказано въ тѣхъ же объясненіяхъ, на той же 3 стр. (стр. 11—14 снизу). «Актъ 3 Февраля 1899 г., равно и всякій иной законъ, могущій замѣнить его, принадлежатъ къ числу актовъ, опредѣляющихъ положеніе Финляндіи въ составѣ Русскаго государства и потому имѣющихъ для него первостепенное значеніе». Актъ 3 Февраля 1899 г. (манифестъ и основныя положенія) имѣлъ въ виду интересы и права цѣлаго государства, которые несомнѣнно должны имѣть преимущество надъ интересами и правами части его, ограничилъ компетенцію финляндскихъ законодательныхъ учреждений, ту компетенцію, которая, если и не была опредѣлена точно и ясно въ 1809 г.,—укоренилась и существовала безъ опредѣленнаго протеста со стороны Верховной Власти,—въ теченіе почти 90 лѣтъ.

Не входя въ оцѣнку тѣхъ условій, которыя вызвали все возраставшее (въ особенности съ 1863 г.) обособленіе Финляндіи, я позволяю себѣ напомнить, что подчиненіе Финляндіи акту 3 Февраля 1899 г. всегда требовалось въ качествѣ уступки началу государственнаго единства, а отнюдь не разсматривалось какъ удовлетвореніе собственнымъ интересамъ Финляндіи.

Составитель проекта и объясненій къ нему ставитъ затѣмъ вопросъ: «въ какомъ порядкѣ долженъ совершаться пересмотръ основныхъ положеній 3 Февраля 1899 г.»? и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «Строго говоря, отвѣтъ на этотъ вопросъ столь бесспоренъ и ясенъ, что на немъ не было бы никакой нужды останавливаться, еслибы не только въ финляндской печати, но также Финляндскимъ Сенатомъ и Сеймомъ не были многократно высказываемы домогательства о передачѣ означеннаго вопроса на разрѣшеніе Сейма».

На это позволю себѣ возразить, что опороченное только что мнѣніе имѣетъ своихъ сторонниковъ не только въ Финляндіи, но и въ Россіи. Не только публицисты, не только думскіе члены, принадлежащіе къ лѣвымъ, оппозиціоннымъ группамъ, но и члены Думы, принадлежащіе къ партіи центра и къ группѣ умѣренныхъ правыхъ,—защищаютъ (если и всѣ не поголовно) эту точку зрѣнія. По моему глубокому убѣжденію отъ рѣшенія этого вопроса въ томъ или иномъ направленіи будетъ зависѣть вся дальнѣйшаа судьба проекта. Съ мнѣніемъ, весьма распространеннымъ въ Россіи, обусловленнымъ отчасти извѣстнымъ правовымъ воззрѣніемъ, отчасти нѣсколько смутнымъ настроеніемъ въ пользу защиты правъ слабаго противника,—казалось бы, нельзя не считаться при составленіи законопроекта, имѣющаго пройти чрезъ Думу и Совѣтъ. (Позволю себѣ напомнить, что когда въ 1901 г. въ дореформенномъ Государственномъ Совѣтѣ обсуждался проектъ закона о воинской повинности въ Финляндіи, въ порядкѣ, установленномъ актомъ 3 Февраля 1899 г.,—отрицательное отношеніе къ этому акту давало себя чувствовать весьма отчетливо). Провалъ въ Думѣ или въ Совѣтѣ законопроекта, имѣющаго регулировать взаимоотношенія Россіи къ ея финляндской окраинѣ,—имѣлъ бы роковое значеніе для всей финляндской политики Правительства.

Что касается защищаемаго въ объясненіяхъ къ проекту взгляда, по существу,—то съ теоретической точки зрѣнія нельзя не признать, что она вѣдъ спора. Россія—государство суверенное; оно опредѣляетъ сферу и границы автономіи своихъ частей, а не автономныя части компетенціи центральной власти. Существеннымъ признакомъ суверенитета именно и является такъ называемая «компетенція компетенціи», т. е. учредительное право. Но противъ этого теоретически безспорнаго положенія выступаютъ соображенія практическаго характера, имѣющія въ виду положеніе вещей, сложившееся въ теченіе почти столѣтія. Правильно или неправильно,—въ Финляндіи (не только въ высшихъ и интеллигентныхъ сферахъ общества, но и въ массѣ народной; въ этомъ нѣтъ сомнѣній и не зачѣмъ вводить себя въ самообманъ), а также въ широкихъ слояхъ русскаго населенія (среднихъ и высшихъ), наконецъ повсюду въ Европѣ, укоренилось воззрѣніе, что законъ, подобный закону 3 Февраля 1899 г., есть ограниченіе той компетенціи Сейма, которая отчасти признана, отчасти создана и расширена была русской Верховной Властью до 1899 г. Верховная Власть, по моему мнѣнію, сама содѣйствовала укорененію воззрѣнія о самостоятельной компетенціи Сейма даже въ сферахъ вопросовъ, касающихся несомнѣнно общегосударственныхъ интересовъ. (Такъ напр. законы о воинской повинности

1878 г., о монетах 1877 г., о промыслах 1879 г., изданы безъ участія имперскихъ законодательныхъ учрежденій). У насъ въ Россіи это расширеніе сеймовой компетенціи объясняютъ обыкновенно интригами финляндскихъ вліятельныхъ дѣльцевъ. Не говоря уже про то, что эти объясненія очень обидны для памяти покойныхъ русскихъ Монарховъ, которые выставляются въ качествѣ людей безъ всякой прозорливости политическаго смысла и государственно-правовыхъ познаній ¹⁾, они идутъ въ разрѣзъ съ государственно-правовыми началами, на которыхъ покоилась вся русская политическая жизнь до изданія основныхъ законовъ 23 Апрѣля 1906 г., когда законы давались Монархами и въ установленномъ законодательномъ порядкѣ, и съ отступленіемъ отъ онаго (актъ 3 Февраля 1899 г., насколько мнѣ извѣстно, не прошелъ чрезъ Государственный Совѣтъ). Неограниченный Монархъ могъ издавать законы на основаніи единоличнаго доклада отдѣльнаго Министра, на основаніи данныхъ, представленныхъ даже и не официальными совѣтниками. Все эти различія въ предварительныхъ стадіяхъ изданія закона не умаляютъ ни на іоту правовой силы волевыраженія Монарха, разъ она опубликована.

Монаршая воля расширила компетенцію Сейма; Сеймъ участвовалъ въ изданіи указанныхъ выше законовъ на правахъ органа законодательнаго, а не законосовѣщательнаго. Законы, которые ограничили права русскихъ въ Финляндіи (тѣ же законы о промыслахъ 1868 и 1879 гг., законы объ общинномъ самоуправленіи въ селахъ и городахъ, 1865, 1875 и 1898 гг.) изданы также въ качествѣ законовъ сеймовыхъ, хотя Монархъ имѣлъ право издать ихъ въ качествѣ законовъ административныхъ. И эти законы миновали имперскія учрежденія. Монархъ не счелъ необходимымъ повелѣть имъ дать свое заключеніе или рѣшеніе.

Можно упрекнуть тогдашнихъ совѣтниковъ Монарха, финляндскихъ и русскихъ, въ томъ, что они не обратили вниманіе Монарха на вредность такого прогрессирующаго обособленія финляндскаго законодательства отъ имперскаго, но разъ законы изданы съ Высочайшей санкціей, нельзя болѣе во имя недомотра и недалновидности совѣтниковъ отрицать силы ихъ и покрывающаго ихъ авторитета Монаршей Власти.

Съ 1892 г. поставленъ на очередь вопросъ объ ограниченіи компетенціи финляндскаго Сейма, какъ въ отношеніи мате-

¹⁾ Достаточно сказать, что у насъ можно встрѣтить увѣреніе, что Александръ I не понималъ ясно, что означаетъ «конституція», что Александръ II не разумѣлъ ясно, что онъ говоритъ въ рѣчи, при открытіи Сейма 1863 г. Особенное значеніе придается тому факту, что эта рѣчь редактирована княземъ А. М. Горчаковымъ, I. В. Снелльманомъ и А. Гамбургеромъ. Какъ будто Монархи XIX столѣтія всегда редактировали собственноручно свои рѣчи, манифесты, официальные письма и т. д.

ріальному (нѣкоторые предметы законодательства отойдутъ отъ него, вѣроятно цѣликомъ), такъ и въ отношеніи формальному (изъ учрежденія законодательнаго онъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, превратится въ учрежденіе законосовѣщательное).—Я не отрицаю, что возможно будетъ насильственно ввести эти ограниченія, принудить финляндцевъ силою оружія къ внѣшнему подчиненію закону, изданному въ порядкѣ имперскаго законодательства безъ участія Сейма, или при участіи Сейма но въ качествѣ органа, дающаго свои необязательныя заключенія. Но едва ли есть основаніе полагать, что насильно навязанный законъ послѣ преодоленія активного сопротивленія, или, что въ концѣ концовъ опаснѣе, пассивнаго сопротивленія, будетъ въ скоромъ времени признанъ «правомъ» въ Финляндіи.—Можетъ быть лѣтъ черезъ 80 или 100 финляндцы помирятся съ этой новой своей «конституціей», точно такъ же, какъ они помирились съ формой правленія 1772 г. и актомъ соединенія и безопасности 1789 г., но до наступленія этого момента придется имѣть дѣло съ тѣми же явленіями, которыя имѣли мѣсто послѣ изданія манифеста и основныхъ положеній 3 Февраля 1899 г., съ тою лишь разницею, что оппозиція финляндцевъ встрѣтитъ поддержку въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Государственной Думѣ.

Въ виду этихъ соображеній едва ли можно успокоиться на теоретическомъ положеніи о суверенныхъ правахъ Россіи и о ихъ безусловномъ преимуществѣ предъ несуверенными правами Финляндіи, и ради осуществленія отвлеченнаго принципа рисковать вызвать тяжелыя политическія осложненія.

Въ отношеніи «домогательствъ» Финляндіи существуетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Я не отрицаю, что часть финляндцевъ настаиваетъ на безусловной неприкосновенности компетенціи Сейма въ томъ объемѣ, какъ она установилась въ теченіе періода 1863—1899 гг. Однако большинство финляндцевъ (не только старофинны, но и значительная часть сведомановъ и младофинновъ) настаиваетъ не на томъ, чтобы за Сеймомъ и впредь и навсегда признавалось право рѣшающаго голоса при рѣшеніи общегосударственныхъ законодательныхъ вопросовъ. Это большинство, которое имѣетъ за собою массу народа,—настаиваетъ на томъ, что тотъ основной или коренной законъ, который: 1) выдѣлитъ изъ сферы исторически сложившейся компетенціи Сейма ту или иную категорію законодательныхъ вопросовъ, которые ранѣе рѣшались въ порядкѣ финляндскаго законодательства (напр.: законъ о воинской повинности, или законъ о монетѣ края), и 2) установить порядокъ и долю участія финляндскаго мѣстнаго законодательнаго учрежденія, Сейма, и высшаго въ краѣ коллегіальнаго органа управленія, сената, въ выработкѣ и обсужденіи проекта общегосударственнаго за-

кона, былъ изданъ при участіи Сейма, какъ органа законодательнаго, а не законосовѣщательнаго.

И Сеймы (1899 и 1904 гг.), и Сенатъ и, наконецъ, представители Финляндіи въ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ графа Гейдена, Н. Х. Бунге и Н. С. Таганцева утверждали, что только законъ, изданный съ соблюденіемъ этого кореннаго условія, будетъ пользоваться авторитетомъ закона въ Финляндіи.

И я позволю себѣ выразить свое глубокое убѣжденіе, что если этотъ путь къ изданію закона о порядкѣ изданія законовъ общегосударственныхъ не будетъ избранъ, то всѣ законы, изданные въ сферѣ общегосударственнаго законодательства, независимо отъ ихъ содержанія, не будутъ признаны законами въ Финляндіи, Они будутъ ударами въ воду и вызовутъ только вновь броженіе, которое во всякомъ случаѣ пользы Россіи не принесло и не принесетъ.

Кромѣ того, я позволю себѣ обратить вниманіе на то, что и въ Государственной Думѣ нельзя рассчитывать на принятіе законопроекта, не считающагося съ требованіемъ финляндцевъ, что измѣненіе въ компетенціи Сейма должно совершиться съ согласія Сейма.

Другое дѣло, если Сеймъ станетъ упорно защищать воззрѣніе крайняго финляндскаго партикуляризма и упрямо отказывать въ принятіи законопроекта, устанавливающаго порядокъ общегосударственнаго законодательства. Такое упорство сплотитъ Думу и Совѣтъ къ энергичному настаиванію на осуществленіи законныхъ требованій Россіи и дастъ Правительству достаточную опору въ предстоящей тогда, неминуемой открытой борьбѣ съ Финляндіей.

По моему мнѣнію въ цѣляхъ прочнаго установленія порядка изданія законовъ общегосударственныхъ, обезпеченнаго противъ всякихъ политическихъ случайностей, необходимо внести проектъ закона, опредѣляющаго этотъ порядокъ, сперва въ Сеймъ, и именно на рѣшеніе Сейма въ порядкѣ ст. 75 п. 1 сеймоваго устава 1906 г., а затѣмъ уже въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ. Если Сеймъ, а затѣмъ Государственная Дума и Совѣтъ примутъ законопроектъ, то дѣло, конечно, можетъ считаться благополучно рѣшеннымъ. Если же Сеймъ внесетъ измѣненія въ проектъ, съ которыми не согласятся русскія законодательныя учрежденія, проектъ долженъ быть возвращенъ въ Сеймъ для пересмотра своего рѣшенія въ теченіе опредѣленнаго срока. Въ случаѣ отказа Сейма согласиться съ рѣшеніемъ Думы и Совѣта,—на окончательное Высочайшее рѣшеніе должно поступить лишь постановленіе имперскихъ законодательныхъ учреждений. Отъ Монарха конечно будетъ зависѣть отказать въ утвержденіи прошедшаго чрезъ Сеймъ, Думу и

Совѣтъ законопроекта и приказать приступить къ новому обсужденію дѣла.

Можно возразить, что не зачѣмъ сейму предоставлять формальное право рѣшенія, если затѣмъ, въ концѣ концовъ, все-таки окончательное рѣшеніе останется за имперскими законодательными учрежденіями. Рѣшаюсь думать, что такая уступка полезна въ виду возможности согласія Сейма если не съ перваго раза, то при вторичномъ разсмотрѣніи, къ которому Сеймъ приступить съ полнымъ сознаніемъ предстоящаго остраго конфликта въ случаѣ упрямства. Конечно на согласіе Сейма возможно рассчитывать только въ томъ случаѣ, если въ законопроектѣ, о которомъ идетъ рѣчь, будетъ установленъ перечень вопросовъ, составляющихъ объектъ общегосударственнаго законодательства.

По мнѣнію составителя проекта—пересмотръ «основныхъ положеній 3 Февраля 1899 г. можетъ состоять только въ рѣшеніи вопросовъ о томъ, какіе законопроекты представляется соотвѣственнымъ вырабатывать съ участіемъ финляндскихъ властей и установленій и въ чемъ, при дѣйствующемъ порядкѣ законодательства Имперіи, подобное участіе имѣетъ выразаться».

Однако поставивъ первоначально вопросъ на такую широкую почву, составитель проекта сейчасъ же суживаетъ задачу.

Вполнѣ соглашаясь съ высказанными въ «объясненіяхъ» къ проекту соображеніями относительно неточности редакціи ст. 1 и 2 основныхъ положеній 1899 г. въ томъ смыслѣ, что законъ о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ не можетъ касаться такихъ вопросовъ, какъ порядокъ престолонаслѣдія, учрежденія Императорской Фамиліи, актовъ международнаго соглашенія и, наконецъ, узаконеній, касающихся духовныхъ дѣлъ Православной церкви, содержимыхъ на счетъ русскаго государственнаго казначейства учебныхъ заведеній, Правительственнаго телеграфа, то есть предметовъ управленія, регулируемыхъ исключительно русскими законами, изданныхъ безъ всякаго участія финляндскихъ учрежденій и властей,—я не могу согласиться съ тѣмъ, что сказано относительно указанія точнымъ перечнемъ предметовъ общегосударственнаго законодательства.

Въ «объясненіяхъ» приводятся соображенія, высказывавшіяся и раньше противъ перечня, и говорится: «центръ тяжести обсуждаемаго вопроса заключается не въ установленіи точнаго перечня предметовъ мѣстнаго финляндскаго законодательства, а въ обезпеченіи полной и безусловной возможности изъять изъ исключительнаго вѣдѣнія финляндскихъ установленій и разрѣшить въ Имперскомъ законодательномъ порядкѣ всякій касающійся Финляндіи вопросъ, если онъ имѣетъ общегосударственное значеніе».

Авторъ ратуетъ какъ противъ перечня предметовъ мѣстнаго финляндскаго законодательства, такъ и противъ установленія перечня предметовъ общегосударственнаго законодательства.

Съ этимъ мнѣніемъ я никоимъ образомъ согласиться не могу.

По моему мнѣнію финляндцы вполне правы, заявляя, что безъ такого перечня мѣстное внутреннее финляндское законодательство будетъ лишено всякой гарантіи своего бытія и можетъ быть постепенно поглощено общегосударственнымъ.

Несомнѣнно, что нельзя установить какой либо перечень общегосударственныхъ законодательныхъ вопросовъ на вѣчныя времена. При измѣненіи политическихъ условій жизни Россійскаго государства,—можетъ случиться надобность въ пополненіи перечня.

Признаніе возможности будущаго расширенія общегосударственной законодательной компетенціи не можетъ служить поводомъ и предлогомъ къ отрицанію цѣлесообразности перечня въ настоящее время. Ни одна норма не стоитъ внѣ воздѣйствія тѣхъ историческихъ законовъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывается политическая жизнь государства.

Говоря о томъ, что Финляндія обѣщано самостоятельное законодательство въ области ея внутреннихъ дѣлъ, придется и въ Думѣ и въ Совѣтѣ отвѣтить на вопросъ: да что же, наконецъ, понимается подъ внутренними дѣлами и правами Финляндіи? Гдѣ же границы той сферы, въ которую правительство не желаетъ вторгаться? Что же входитъ и что не входитъ въ сферу внутреннихъ дѣлъ Финляндіи?—И понятіе «общегосударственное законодательство» будетъ не точнымъ, не правовымъ понятіемъ, если не будетъ опредѣлено его содержаніе и объемъ, точно такъ же, какъ и понятіе «мѣстное управленіе» и «самоуправленіе» останется отвлеченной категоріей мысли, если не будетъ опредѣлена его реальная компетенція.

Отсутствіе перечня дало себя чувствовать уже въ эпоху 1899—1905 г.г. Такъ напр.: вопросъ о правахъ государственнаго языка въ Финляндіи признается теперь вопросомъ общегосударственнымъ; однако законъ 1902 г. не прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ, и могъ быть отмѣненъ безъ всякаго обсужденія въ имперскомъ законодательномъ учрежденіи.—(Тоже самое въ отношеніи обхода основныхъ положеній 3 Февраля 1899 г. имѣло мѣсто съ постановленіями о правахъ русскихъ корабейниковъ, о правахъ русскихъ уроженцевъ владѣть недвижимостью въ Финляндіи, о правахъ русскихъ состоять на государственной службѣ въ Финляндіи). Отъ этого получилось очень невыгодное впечатлѣніе: казалось, будто основныя положенія 3 Февраля 1899 г. только и были даны ради проведенія новаго закона о воинской повинности 1901 года. Такіе

толпи слышались и въ Финляндіи, и на западѣ Европы въ эпоху 1899—1905 г.г. Говорили, что сильная оппозиція въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи проекта закона о воинской повинности такъ испугала вліятельныхъ въ то время людей, что они настояли на сведеніи акта 3 Февраля 1899 г. почти къ нулю и обратились въ административнымъ мѣропріятіямъ.

Несомнѣнно, что «можно бы въ рамки ограничительнаго перечня ввести мѣстное финляндское законодательство и опредѣлить его предметы хотя бы по примѣру предметовъ вѣдомства провинціальныхъ ландтаговъ Австрійской Имперіи». Но дѣло въ томъ, что это пріемъ болѣе сложный, чѣмъ другой, ему противоположный, состоящій въ перечисленіи тѣхъ вопросовъ, которые въ виду интересовъ Россійскаго Государства не могутъ быть предметомъ мѣстнаго финляндскаго законодательства. Если такой перечень будетъ, какъ говорятъ, служить гарантіей финляндской обособленности, то нельзя не признать, что и перечень, въ который были бы введены объекты мѣстнаго финляндскаго законодательства, служилъ бы такой же гарантіей мѣстной обособленности. (Только что указанъ примѣръ Австріи; она на пути къ обособленію ея частей и распаденію; Германское союзное законодательство опредѣлено ограничительнымъ перечнемъ и сплоченіе Германіи возрастаетъ изъ года въ годъ).

Я думаю, что проще было бы подойти къ спорному вопросу на почвѣ тѣхъ историческихъ фактовъ, которые привели къ возбужденію вопроса объ установленіи порядка общегосударственнаго законодательства.

Извѣстно, что этотъ вопросъ возникъ впервые въ совѣщаніи графа Гейдена, разсматривавшемъ проектъ формы правленія, составленный комиссіей Вейсенберга, а затѣмъ обсуждался въ совѣщаніи Н. Х. Бунге, при чемъ было указано, что финляндскія кодификаціонныя комисіи присвоили финляндскимъ учрежденіямъ право самостоятельнаго и окончательнаго рѣшенія по законодательнымъ вопросамъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе. Таковыми вопросами уже тогда считали вопросы объ участіи финляндцевъ въ военной защитѣ Имперіи, о таможенной системѣ и монетной системѣ (а также организациіи почтоваго вѣдомства, въ области котораго была проведена объединительная реформа въ 1890 г., реформа, вызвавшая тревогу въ средѣ финляндцевъ и донынѣ считающаяся ими за нарушеніе пожалованныхъ Финляндіи привилегій). Затѣмъ, финляндскіе члены совѣщанія Н. Х. Бунге представили проектъ перечня дѣлъ, кои, по ихъ мнѣнію, должны бы быть объектами общегосударственнаго законодательства.

Сводя въ одно нѣкое объекты общегосударственнаго законодательства, такъ сказать уже исторически опредѣлившіеся

и обусловленные началомъ единства и цѣльности Россійскаго Государства (на нихъ указалъ и Предѣдатель Совѣта Министровъ въ рѣчи 5 Мая 1908 г.), съ пунктами, указанными въ проектѣ перечня финляндскихъ членовъ совѣщанія Н. Х. Бунге, можно бы получить переченьъ дѣлъ, изъятіе которыхъ изъ сферы мѣстнаго финляндскаго законодательства обезпечило бы на продолжительное время интересы Государства.

Установленіе такого перечня ослабило бы не только силу оппозиціи противъ установленія порядка общегосударственнаго законодательства въ Финляндіи, но и увеличило бы шансы принятія законопроекта въ законодательныхъ учрежденіяхъ Имперіи.

На основаніи указанныхъ соображеній я позволяю себѣ предложить слѣдующую редакцію ст. 2 правилъ:

«Ст. 2. Въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства издаются законы:

1) касающіеся участія Великаго Княжества Финляндскаго въ военной защитѣ Россійскаго Государства;

2) участія Великаго Княжества Финляндскаго въ несеніи расходовъ на содержаніе центральныхъ и иностранныхъ органовъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ;

3) организаціи почтовой, телеграфной и телефонной части въ краѣ;

4) организаціи монетной системы края;

5) основаній таможенной системы края;

6) организаціи лоцманскаго вѣдомства;

7) сооруженія желѣзнодорожныхъ линій, имѣющихъ стратегическое значеніе;

8) обезпеченія военной безопасности крѣпостныхъ эскападъ;

9) касающіеся правового положенія русскихъ уроженцевъ въ краѣ;

10) общихъ условій принятія иностранцевъ въ подданство по Имперіи и Великому Княжеству;

11) порядка приобрѣтенія правъ финляндскаго гражданства уроженцами Имперіи и порядокъ приписки финляндскихъ уроженцевъ въ Россійскихъ губерніяхъ;

12) судимости по дѣламъ о преступленіяхъ, учиненныхъ финляндскими уроженцами въ Имперіи и Россійскими уроженцами въ Финляндіи;

13) порядка производства дѣлъ о наслѣдованіи движимаго имущества, оставшагося послѣ финляндскихъ уроженцевъ, умершихъ въ Имперіи, и послѣ Россійскихъ уроженцевъ въ Финляндіи;

14) правъ русской опеки въ дѣлахъ о недвижимомъ имуществѣ русскихъ опекаемыхъ въ Финляндіи, и о правахъ фин-

ляндскихъ опекуновъ въ дѣлахъ о недвижимомъ имуществѣ финляндцевъ опекаемыхъ въ Имперіи;

15) объ исполненіи въ Имперіи судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, состоявшимся въ Финляндіи и наоборотъ:

16) законнаго содѣйствія, которое судебныя и административныя власти Имперіи должны оказывать таковымъ властямъ Финляндіи и наоборотъ;

17) порядка вызова русскими военными судами въ Финляндіи финляндскихъ уроженцевъ въ качествѣ свидѣтелей или для другихъ тому подобныхъ цѣлей;

18) торговыхъ сношеній между Имперіей и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ;

19) правъ, предоставленныхъ русскимъ судамъ въ финляндскихъ портахъ и гаваняхъ и финляндскимъ въ имперскихъ портахъ и гаваняхъ;

20) Правъ и обязанностей російскихъ консуловъ по охранѣ за границей интересовъ финляндской торговли и мореходства, а также правъ частныхъ лицъ;

21) Взаимной охраны фирмъ и товарныхъ клеймъ;

22) Взаимной охраны правъ художественной и литературной собственности;

23) Условій дѣятельности въ Россіи страховыхъ обществъ, учрежденныхъ въ Финляндіи, и наоборотъ.

Ст. 2 проекта касается предварительной стадіи разработки законодательныхъ проектовъ общегосударственнаго значенія.

Вполнѣ соглашаясь съ редакціей текста проектируемаго правила, а также съ выясненнымъ въ объясненіяхъ началомъ, что по вопросамъ, изъятымъ изъ сферы сеймоваго законодательства,—сейму можетъ быть предоставлено только право давать заключеніе по возбужденнымъ вопросамъ, но не право рѣшенія, я позволю себѣ указать на нѣкоторую неопредѣленность въ заключительномъ предложеніи проектированнаго правила. Въ немъ сказано, что отказъ или уклоненіе Финляндскаго Сената или Сейма отъ дачи своихъ заключеній по сообщеннымъ имъ законопроектамъ не препятствуетъ дальнѣйшему ихъ разсмотрѣнію. Мнѣ думается, что желательно было бы установить какіе либо сроки, въ теченіе которыхъ финляндскія учрежденія имѣли бы дать свое заключеніе. Я бы предложилъ установить срокъ равный продолжительности годичной сессіи очереднаго сейма для дачи сеймоваго заключенія и трехмѣсячный срокъ для подачи сенатскаго заключенія, при чемъ слѣдовало бы прибавить, что отъ Государя Императора, въ случаѣ ходатайства Сената или Сейма, зависить продленіе срока.

Ст. 3 проекта правилъ (въ предложенной мною редакціи: ст. 4) предоставляетъ право внесенія проектовъ общегосудар-

ственныхъ законовъ, наравнѣ съ прочими Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями и Финляндскому Генераль-Губернатору, какъ Главноуправляющему гражданской исполнительной частью въ Финляндіи.

Предоставленіе Финляндскому Генераль-Губернатору означеннаго права обосновывается въ объясненіяхъ къ проекту тѣмъ, что: 1) во многихъ случаяхъ Генераль-Губернатору, который всего ближе стоитъ къ управленію края, было бы наиболее правильно и естественно являться авторомъ подобныхъ законопроектвъ, 2) что предоставленіе ему права внесенія законопроектовъ на разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственного Совѣта было бы также мѣрою, направленною къ укрѣпленію связей Имперіи съ Финляндскою ея окраиною, и 3) что означенное право вполне соответствовало бы равнымъ образомъ кругу обязанностей и служебному положенію Финляндскаго Генераль-Губернатора, такъ какъ онъ поставленъ выше и независимѣе всѣхъ прочихъ Генераль-Губернаторовъ, подчиняется непосредственно Государю Императору и, въ сущности, состоитъ Намѣстникомъ Его Величества въ Финляндіи».

По поводу приведенныхъ соображеній позволю себѣ замѣтить, что по дѣйствующимъ законамъ (инструкція 21 Января 1812 г. и Учрежденіе Имп. Финляндскаго Сената 13 Сентября 1892 г. съ дополнительнымъ постановленіемъ 23 Іюля 1896 г.) Финляндскій Генераль-Губернаторъ играетъ двойную роль: 1) онъ Главноуправляющій гражданской *исполнительною* частью въ Финляндіи, и въ этой сферѣ дѣйствуетъ единолично, и 2) онъ предсѣдатель Сената, и въ сферѣ компетенціи Сената онъ не имѣетъ единоличной власти. Принимая во вниманіе эту двойную роль Генераль-Губернатора, слѣдовало бы дополнить сказанное въ ст. 3 проекта словами: «въ предѣлахъ дѣлъ, ввѣренныхъ его единоличной власти».

Сохраненіе предложенной въ проектѣ редакціи произвело бы впечатлѣніе будто этими правилами попутно расширяется власть Генераль-Губернатора въ ущербъ власти Сената. Не касаясь въ данномъ случаѣ вопроса о нормальности или ненормальности въ современныхъ взаимоотношеніяхъ Генераль-Губернатора и Сената, рѣшаюсь высказать мнѣніе, что едва ли возможно провести реформу въ данномъ случаѣ какъ бы мимоходомъ и какъ бы подъ покровомъ нормъ, преслѣдующихъ иную цѣль.

По моему мнѣнію къ сказанному въ проектѣ, ст. 3, слѣдовало бы прибавить еще слѣдующее: «Право возбужденія законопроектовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, предоставляется и Императорскому Финляндскому Сенату въ общемъ его собраніи».

Наконецъ, въ ст. 3 проектированныхъ правилъ неясно сказано, обязанъ ли Генералъ-Губернаторъ свои предположенія о законахъ общегосударственнаго значенія вносить на предварительное уваженіе Совѣта Министровъ. Едва ли есть какое либо основаніе ставить его въ этомъ отношеніи въ какое либо привилегированное положеніе. А посему я предложилъ бы къ тексту ст. 3 (а по моему счету ст. 4), кромѣ указанныхъ уже выше дополненій, прибавить слова: «Составленные Генералъ-Губернаторомъ или Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ первоначальныя предположенія о законахъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, представляются на предварительное уваженіе Совѣта Министровъ».

Ст. 4 проектированныхъ правилъ предлагаетъ къ засѣданіямъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, въ коихъ будутъ обсуждаться законопроекты, имѣющіе общегосударственное значеніе и касающіеся Финляндіи, приглашать представителей не только Сейма (4 въ Государственную Думу и 2 въ Государственный Совѣтъ), но и Сената (4 члена Императорскаго Финляндскаго Сената въ Думу и 2 въ Совѣтъ).

Члены Финляндскаго Сейма принимаютъ участіе въ томъ случаѣ, если обсуждается законопроектъ, по которому требуется заключеніе Финляндскаго Сейма, а въ тѣхъ случаяхъ, когда законопроектъ, съ точки зрѣнія финляндскаго права, относится къ области законодательства экономическаго,—ихъ мѣсто, очевидно, заступаютъ сенаторы.

Затѣмъ въ концѣ статьи сказано: «въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи дѣлъ, на которыя они приглашены, финляндскіе представители участвуютъ на правахъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта».

Прежде всего я позволю себѣ обратить вниманіе на то, что едва ли правильно привлекать къ участію въ засѣданіяхъ въ Думѣ, учрежденіи, составленномъ исключительно изъ выборныхъ членовъ,—должностныхъ лицъ, членовъ высшаго мѣстнаго административнаго учрежденія въ Финляндіи, на правахъ членовъ Думы. Этимъ путемъ былъ бы внесенъ въ Думу элементъ совершенно чуждый народному представительству. Въ Финляндіи уже и безъ того проявляется стремленіе выставить Сенатъ въ качествѣ не столько монархическаго учрежденія, долженствующаго дѣйствовать согласно съ волею Монарха, сколько своего рода парламентарнаго министерства, зависящаго отъ различныхъ перепитій въ борьбѣ политическихъ партій.

Если сенаторамъ Императорскаго Финляндскаго Сената можно открыть доступъ въ Думу, то лишь въ качествѣ второстепенныхъ представителей правительства, содѣйствующихъ Министрамъ въ выясненіи предъ Думой внесенныхъ законопроектовъ. Разъ сенаторы будутъ сидѣть въ Думѣ на правахъ

ея членовъ, то можно допустить, что они выступятъ (будучи назначены Монархомъ) противниками законопроекта, внесеннаго съ согласія Совѣта Министровъ. Едва ли такое явленіе, несомнѣнно возможное, будетъ признано допустимымъ!

Иное дѣло участіе сенаторовъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ немъ половина членовъ—по назначенію, а посему нельзя бы видѣть что либо аномальное, если бы къ 70 или 72 членамъ по назначенію присоединились еще 2.

Въ объясненіяхъ къ проекту указывается на то, что весной 1906 г., когда совѣщаніе графа Д. М. Сольскаго составляло проектъ новаго, изданнаго 24 Апрѣля 1906 г., Учрежденія Государственнаго Совѣта, въ С.-Петербургѣ было сообщено, что финляндцы относятся враждебно къ мысли о посылкѣ своихъ представителей въ русскія законодательныя установленія, а затѣмъ говорится: «Но руководствоваться подобнымъ опасеніемъ было бы несовмѣстно съ правами и достоинствомъ Россіи. Допущеніе въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ финляндскихъ представителей—для нихъ великая честь, а для ихъ родины—великая выгода; если же финляндцы этого не поймутъ и отъ указанной имъ чести уклонятся, то финляндскія дѣла будутъ разрѣшены русскою законодательною властью безъ нихъ».

Не отрицая, что не только для финляндцевъ, но и для всѣхъ другихъ инородцевъ великая честь быть членами Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, я позволяю себѣ выразить сомнѣніе въ томъ, велика ли выгода для Финляндіи, если она будетъ представлена въ русскихъ законодательныхъ установленіяхъ 4 или 2 депутатами, а затѣмъ, и это главное, выгодно ли это участіе съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ? Среди инородческихъ представителей въ Думѣ, въ особенности поляковъ, мусульманъ, грузинъ и теперь уже замѣтно явное стремленіе къ *«itio in partes»*. Усиленіе этихъ центробѣжныхъ элементовъ финляндскими депутатами,—едва ли желательно. Извѣстно, что уже на парижскомъ конгрессѣ революціонныхъ дѣятелей 1904 г. финляндцы сыграли роль объединителей; эту роль они могутъ повторить и въ Думѣ.

Что касается точки зрѣнія финляндцевъ, то едва ли возможно удивляться ихъ нежеланію помириться съ посылкою 4 финляндскихъ представителей въ Думу и 2 въ Совѣтъ.

При опредѣленіи числа финляндскихъ представителей въ имперскихъ законодательныхъ установленіяхъ,—составитель проекта сообразовался съ постановленіемъ о численномъ составѣ представительства другихъ окраинъ Имперіи, въ частности съ численнымъ составомъ представительства отъ губерній Царства Польскаго.

Если уже привлекать представителей отъ Финляндіи къ участію въ имперскихъ законодательныхъ установленіяхъ, то едва ли правильно принимать во вниманіе исключительно механическій измѣритель: численность населенія, и не обратить вниманія на другія условія взаимоотношенія Россіи и ея финляндской окраины. Въ отличіе отъ Царства Польскаго, Финляндія есть автономная область, имѣющая не только свой особый гражданскій кодексъ, но и свое особое публичное право, свое особое мѣстное законодательное установленіе, свой особый строй, административный и судебный. Въ виду этого, участіе финляндскихъ представителей въ имперскихъ законодательныхъ установленіяхъ было бы лишь тогда «великой выгодой» для Финляндіи, если бы число ея представителей было настолько велико, чтобы они имѣли возможность числомъ голосовъ повліять на исходъ голосованія по затрагивающимъ Финляндію законодательнымъ вопросамъ. Но за то русскіе государственные интересы не позволяютъ усилить въ такой степени число финляндскихъ представителей.

Въ виду этого, казалось бы болѣе правильнымъ опредѣлить участіе финляндскаго законодательнаго установленія въ обсужденіи касающихся Финляндіи общегосударственныхъ законодательныхъ вопросовъ въ иной формѣ.

При попыткѣ опредѣлить эту форму, я исхожу отъ слѣдующей руководящей точки зрѣнія: 1) *рѣшающую роль* при изданіи общегосударственныхъ вопросовъ должны играть только русскія законодательныя установленія, т. е. Государственный Совѣтъ и Государственная Дума; 2) *финляндскому Сейму должна быть предоставлена возможность* высказаться по существу таковыхъ вопросовъ не черезъ делегированныхъ въ Думу и Совѣтъ своихъ членовъ, а непосредственно въ полномъ составѣ, *но безъ рѣшающаго голоса*.

Я предлагаю слѣдующую форму участія Сейма въ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе:

1) Законопроекты означеннаго рода, если они касаются предметовъ вѣдомства Финляндскаго Сейма,—по одобреніи ихъ въ Совѣтѣ Министровъ,—вносятся въ Сеймъ. Заключение Сейма постановляется на ближайшемъ очередномъ его собраніи, если не послѣдуетъ созыва съ этою цѣлью чрезвычайнаго собранія Сейма.—Заключение Сейма поступаетъ на разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ установленномъ порядкѣ. Въ случаѣ согласія съ заключеніемъ Сейма постановленія имперскихъ законодательныхъ установленій,—законопроектъ повергается на утвержденіе Монарха.—Въ случаѣ же несогласія таковаго постановленія съ заключеніемъ Сейма,—оно сообщается Сейму, который имѣетъ право войти къ Монарху

съ представленіемъ о вторичномъ разсмотрѣніи законопроекта въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Законопроектъ, разсмотрѣнный по повелѣнію Государя Императора вторично въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, считается окончательно ими принятымъ и въ установленномъ въ нихъ текстѣ повергается на Монаршее утвержденіе.

Предоставленное Сейму право задерживающаго вето даетъ ему возможность или согласиться съ измѣненіями въ законопроектѣ, внесенными имперскими законодательными установленіями, или представить новые доводы въ пользу измѣненій, внесенныхъ въ законопроектъ Сеймомъ.

Что же касается Финляндскаго Сената, то онъ можетъ участвовать въ трудѣ по составленію закона лишь въ стадіи предварительнаго обсужденія до окончательнаго одобренія проекта Совѣтомъ Министровъ къ внесенію въ мѣстное и въ имперскія законодательныя установленія, ибо онъ органъ правительственный, а не законодательный.

Противъ ст. 4 проекта я возраженій не имѣю.

Э. Берендтсъ.

С.-Петербургъ 1908 г. 15 Іюня.

Июль 1908 г.
Института Ленина